

1 кругозор

Рыгор БОРОДУЛИН

Что на руни хукаешь,
 утро, затеплясь?
 Как стылые угли,
 звенит с большака
 Слежалый снежок.
 И закрывали гребли
 Смачно,
 как сваты, схватив первака.
 Боры недвижимы — снега
 по колени.
 Кулиге приснился кулик да стога..
 Олешник?..
 А может, белеют олени?
 Трепещут заиндевшие рога.
 Иссяк, истомился в набегах
 на берег
 Вчерашней заvei прилив —
 не пылит.
 Лишь вербы дымятся пожарищем
 белым,
 Как будто их заяц-беляк подпалил.
 На улице белой,
 как сполох спросонок, —
 Лица милицейского огненный жар.
 Вереvками схваченный белый
 бочонон
 На розвальнях белых везут
 на базар
 А бабу знобит в колушке
 одубелом —
 На торг торопилась
 до бела дня.
 Хоть как там ни жмурься —
 все в холоде белом.
 Ресницы белым-белы у коня.
 К исходу недели о теплом надеде,
 О солнце земля подымает вопрос.
 И галки на яблонях зябно дотлели,
 И в черных проталинах станы
 берез.

Базар не ждет —
 и поселку не спится.
 День тихо ступает тропинкой
 глухой.
 И ласточек гнезда, точь-в-точь
 рукавицы
 Забытые,
 стынут под белой стрехой.
 Поднова зальдела, а белые дровни
 Озябшею веточкой
 хрупнут —
 хрусь..
 Яблоком хрустким
 кружится ядрено
 Слово морозное:
 «Беларусь».

Алексей ПЫСИН

Гул вокзалов, сполохи событий
 В бесконечность гонят колею.
 Поезда ночные, покажите
 Маленькую станцию мою.

Хоровод березок чистонорых.
 Листья облетают, словно дни.
 В колесе лесного частокола
 Скорые пронесются огни.
 Так меня далекою весной
 Подхватила эта карусель:
 Тысяча земель передо мною
 И за мною тысяча земель!
 Думаю без суетной оглядки.
 И дожди и листья под дождем.
 Много лет забрала пересадки
 С бросовым каким-то багажом.
 До зари чего-то ожидаю,
 До зари о чем-то все молю.
 Под щеной как будто ощущаю
 Маленькую станцию мою.

Пимен ПАНЧЕНКО

Мы вышли на Демянск.
 Тылы отстали.
 Подмерзший снег скрипел
 Грубей дресвы.
 Хоть бомбы только изредка
 свистали,
 До черта мин
 И — никакой жратвы.

И вдруг среди руин, средь
 разоренья
 Бойцам предстал с улыбною
 начпрод,
 Как собственное, как свое
 творенье,
 Держа в руке испанский яркий
 плод.

Мы апельсинов до войны не ели...
 Но меж пустых заснеженных полей
 Мы те трофеи оценить сумели
 Не хуже всех испанских королей.

Был в золотых веселых апельсинах
 Победы терпкий привкус.
 Жизнь была!
 На восемь верст за нами вся
 равнина
 Оранжевым цветеньем расцвела.

Пока мы городок разбитый брали,
 Пока мы шли до новых городов,
 Убитые друзья в сугробах спали
 Средь белых апельсиновых садов.

Переводы
 с белорусского
 Наума Кислика

Из фонда МОПРа (Международной организации помощи борцам революции), 1938 г.

«Тт. Димитрову, Мануильскому, Москвину, Стасовой. Просим внести в соответствующие органы вопрос об обмене из Польши следующих политзаключенных:

Притыцкий Сергей—молодой белорусский крестьянин (23 лет от роду), член КСМ Западной Белоруссии, совершивший по заданию партруководства исключительный героический подвиг: стрелял во время судебного процесса в крупнейшего провокатора Стрельчука, окруженного множеством полицейских и шпиков. Нанес провокатору четыре раны и после, отстреливаясь, чуть-чуть не ушел, но, будучи раненным, был схвачен уже при выходе из здания суда. Приговорен 20 июня 1936 года в г. Вильно к смертной казни.

Поведение на суде и следствии прекрасное. Не признался в принадлежности к организации и утверждал, что сам заразился идеей обезвредить для белорусского народа злейшего врага народа, палача-провокатора Стрельчука.

Благодаря исключительно героическому поведению Притыцкого и большой кампании в стране и за границей он стал очень известной личностью. Если удастся его сохранить, то, учитывая его популярность в массах, политическую выдержанность, проверенную преданность, политическую грамотность при подлинно бедняцком происхождении, он может быть поставлен на руководящие посты в КПЗБ, как белорусский народный герой...

Представитель Коммунистической партии Польши Икки Скульский».

«Кругозор» встретился с Сергеем Притыцием через 32 года после того памятного процесса. Пророчество товарищей по партии сбылось: народный герой стал государственным деятелем. Мы беседуем с С. О. Притыцием, Председателем Президиума Верховного Совета БССР.

«Кругозор». Что, Сергей Осипович, на ваш взгляд, составляет главные особенности Белоруссии?

Притыцкий. Прежде всего — ее география. Белоруссия — ворота России с Запада на Восток. Оттого все, кто зарился на Русь, первые свои удары обрушивали на Белоруссию. Самые тяжелые испытания наша республика приняла в годы Великой Отечественной войны. Были разрушены все областные центры, Минск уничтожен на 85 процентов. Каждый четвертый житель республики погиб. Мир знает героические имена французского села Орадур и чешской деревни Лидице. У нас от Бреста до Смоленска сплошь Лидице. 240 деревень немцы сожгли вместе с жителями. И все-таки мы не только выстояли и победили — мы возродили Белоруссию, сделав ее красивой и могущественней, чем до войны. Это было бы нам не под силу без помощи русского народа, без помощи советского многонационального братства.

Фашизм, посягавший на советский строй, белорусам нес и угрозу их физического уничтожения

как нации. Поэтому чувства интернационального единства, горячей признательности, сердечной привязанности к русскому и другим советским народам у нас, как говорится, вошли в плоть и кровь. И это тоже одна из генеральных черт характера нашего народа.

«Кругозор». Сергей Осипович, после воссоединения западных областей с Белоруссией вы, как депутат Верховного Совета, впервые были на его сессии в 1939 году. Какие вопросы стояли тогда на повестке дня, и что занимает Верховный Совет республики сегодня?

Притыцкий. В подробностях сейчас все вспомнить, понятно, трудно. Но вот помню, что тогда в выступлениях обсуждалась необходимость увеличения конского поголовья для сельского хозяйства и производства конного сельхозинвентаря. Теперь на сессии вы услышите о том, что готовится выпуск 120-тонного самосвала «БЕ-ЛАЗ», услышите об экспорте наших тракторов, о необходимости использования и в сельском хозяйстве белорусской вычислительной техники.

Можно вспомнить и другое: сессии Верховного Совета республики в конце войны, когда мы думали о том, чтобы всем погорельцам хватило землянок и барачков. А вот прошла сессия обсуждала планы сельского строительства, по которым целые деревни застраиваются особняками и двух — четырехквартирными домами, оснащенными всеми удобствами. В этом закономерность нашего века.

«Кругозор». Пресса сейчас рассказывает о поразительных достижениях Белоруссии. Наши читатели прочтут и об уникальных заводах, и о новом месторождении белорусской нефти, и о многом другом. Но что вы считаете самой кардинальной задачей республики?

Притыцкий. Пожалуй, осуществление Полесской низменности. В Белоруссии шесть миллионов гектаров пахотной земли. Но там и пески и каменные почвы. Торфяники — самая плодородная земля. Но их надо осушить. Полесье прибавит к этим шести миллионам еще три миллиона гектаров пашни. Задача грандиозная.

законмерность

Григорий
ШИРМА,
народный
артист СССР

И песня, и мудрое слово

*Из записок
фольклориста*

Более полувека миновало с тех пор, как я впервые записал в свою школьную тетрадь полюбившиеся белорусские народные песни. Но все эти записи погибли во время первой мировой войны.

Потом я собирал фольклорный материал уже в условиях панской оккупации, в бывшей Западной Белоруссии. Приходилось ездить и ходить по селам, читать лекции, и тогда я записывал песни, помогал хоровым коллективам пропагандировать народную белорусскую и советскую песню. Конечно,

но, все это вызвало враждебное отношение властей: моя квартира подвергалась частым обыскам, меня арестовывали, судили, водворяли в тюрьму. Не один раз жандармы забирали во время обысков нотные записи.

Многие мелодии приходилось выучивать наизусть: я слушал крестьянское пение на праздниках и свадьбах, а после, дома, записывал их нотами по памяти.

Странствуя по селам, местечкам и городам Белоруссии, я оказался как-то в деревне Котелки. Это в Пружанском районе, Брестской области. Здесь жила семидесятилетняя Захвея Хворост — песенница, человек мудрый и справедливый. Глубоко в себе таила она народную песню, чтобы потом отдать ее на утешение и радость селянину и батраку.

Приодевшись в чистое домотканое платье и старательно вымыв руки, она ходила встречать появление на свет нового человека. Она закрывала глаза тем, кто закончил свой жизненный путь. Для каждой душевной раны у нее находилось теплое слово. Но и на свадьбах ей всегда отводилось почетное место.

Захвея Хворост записала полный свадебный обряд со своими песнями и поговорками. Его можно назвать своеобразной народной оперой, где житейский драматизм переплетается с веселым юмором, песня — с диалогом, а музыка и танцы дополняют и украшают это великолепное народное действо. Богатая музыкальная память Захвеи Хворост сохранила около ста пятидесяти мелодий — от старинных календарно-обрядовых песен до любовной лирики.

Мне приходилось встречать многих таких певцов и певиц. Их устами народ рассказывал о себе, о своих печалях и радостях, о мечтах. Мне казалось, я заглянул в бездонный родник творчества, от которого уже не в силах был оторваться.

Спираль «Лявонихи». Танцует самодельный ансамбль «Веселка» Бобруйского дворца культуры деревообделочного комбината.

Фото Л. Лазарева

Деловой центр американской столицы — Манхеттен — не знает ни утра, ни полдня, ни ночи. На дне этого гигантского города всегда мрачно-тусклое освещение. Солнце, луна и звезды — лишь крышам небоскребов. Людям — смрадная, сумеречная полутьма, озаряемая угрожающе пестрыми огнями реклам.

В их неоновом сверкании поднимали свой занавес Метрополитен-опера и Сити-театр, зажигали огни рампы Карнеги-холл и Филармоник-холл в Линкольн-центре. И была музыка. Порой столь «разная», что жестокой болью ломили голову мучительно-неразрешимые вопросы: зачем и для кого такая музыка? С кем и на каком языке говорят сегодня некоторые американские композиторы в полупустых концертных залах?

Но в стремительном беге дней два или три раза время для меня вдруг словно останавливалось.

...Вдова Сергея Кусевицкого — «русского маэстро», так называли его в Америке, — сама отыскала меня в суматохе музыкального Нью-Йор-

ка. «Сергей Александрович просил перед смертью, чтобы первая книга о нем была издана в Советском Союзе, на родине, которую он так страстно любил», — сказала она мне при встрече.

А потом Ольга Александровна Кусевицкая не раз приглашала меня к себе домой, в маленькую квартиру в самом центре Нью-Йорка. В комнате, по-русски заполненной милыми мелочами, в долгих беседах оживал для меня и становился понятнее образ большого художника. За внешне спокойной, неторопливой речью вдовы вырастал человек сильных чувств, большой души.

...Симфонией света и разума звучала для Сергея Кусевицкого Великая Октябрьская революция. Он ждал ее, ждал с молодых лет еще в Вышнем Волочке, где рос в окружении русской ссыльной интеллигенции. И потому все свои силы музыкант отдал делу создания нового общества. Концерты, образовательные лекции, попытки издания музыкальной литературы... Иные коллеги звали его покинуть Россию:

«ведь здесь сейчас так трудно, голодно, до музыки ли?!» Кусевицкого уже знали в Европе, где он в 1908 году был по приглашению Никиша в Берлине, знали как великолепного контрабасиста и как дирижера. (Он с триумфом исполнил Седьмую симфонию Бетховена.) Но Кусевицкий был русским.

Началась гражданская война. В это трудное время Кусевицкий тяжело заболел. Обморожены руки, под угрозой жизнь, карьера музыканта. Жена увезла его в 1920 году во Францию. Ненадолго, только чтобы поправиться. Сергей Александрович оставил в Москве все, даже самое дорогое — рукопись будущей книги «Искусство контрабасовой игры».

Но в Россию он уже не вернулся. Хотя до самой смерти готовился к встрече с ней.

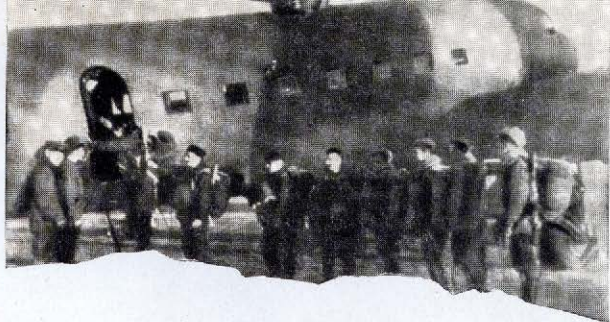
Четверть века руке великого дирижера подчинялся Бостонский симфонический оркестр, и это была пора расцвета оркестра. Почти в каждый концерт Кусевицкий обязательно включал русскую, а позднее и советскую музыку. Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, потом Мясковский, Прокофьев, Шостакович...

В 1942 году в зале Бостонской филармонии впервые в концертном исполнении прозвучала Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича. И война — реальная, кровотокающая — ворвалась в души американцев. Каждый звук симфонии, повествовавший о борьбе и победе, был освещен и верой дирижера в далекую, но родную Россию. Сергей Кусевицкий, подчеркивая контрасты музыки, активно утверждал оптимизм, силу разума народа, на своих плечах несущего бремя великого сражения. Таков был талант Кусевицкого: он умел открывать в знакомом незнакомое, в общеизвестном сокровенное.

Последний концерт Кусевицкого в Сан-Франциско состоялся 26 февраля 1951 года. Оркестр играл Пятую симфонию Прокофьева и Четвертую Чайковского... Кусевицкому было тогда семьдесят семь лет.

...Ольга Александровна повернула рычажок проигрывателя. Комната заполнилась звуками. «Анданте из Пятой симфонии Чайковского — любимое произведение Сергея Александровича!» И время остановилось. Город с днями сумрачными, как вечер, и вечерами, подобными странно призрачному дню, отступил. В небольшой комнате возник другой мир. Сосредоточенный, собранный голос валторны запел знакомую мелодию — мягкую, светлую и печальную одновременно. Мужественно и благородно пел оркестр песню России, в которой была и любовь, и надежда, и вера. Музыка несла в себе чистое небо, бесконечные просторы, задумчивую молчаливость и добрую славу родины.

Д. РОМАДИНОВА
Нью-Йорк — Москва

«...В глубоком немецком тылу, за сотни километров от линии фронта, вдруг появился советский отряд в полной воинской форме, при орденах и знаках различия... Представляете, какой это вызвало переполох у немцев... И тогда один из гестаповцев решил проникнуть в отряд...»

— Кто же командовал смельчаками? — спросила я, услышав эту историю.

— Анатолий Андреев. Кажется, он погиб. Потом эта фамилия возникла в расказах еще не раз. Комиссар легендарного отряда Заслонова. Коман-

Галина ШЕРГОВА

Судьба под псевдонимом

дир одного из белорусских партизанских отрядов. Машинист, выведивший советский бронепоезд из гитлеровского окружения. И — чирты его довоенной биографии. Самый молодой машинист. Рекордсмен скоростного вождения составов. Личный уполномоченный наркома путей сообщения на дорогах Севера, где он вывел депо из прорыва, как говорили тогда.

...Смерть подстерегала его десятки раз. Но настигла ли она героя? Может быть, это случилось в глубоком немецком тылу?

Мы предлагаем вам магнитную запись о поединке Андреева с гестаповцем, проникшим в отряд, вы ее услышите на второй звуковой странице журнала.

Старые фотографии сохранили облик героя. На нижнем снимке: А. Андреев — второй справа.

Валентин
ПОНОМАРЕВ

Трудно остаться в памяти каждого. На долю бывшего председателя колхоза «Рассвет» Кирилла Прокофьевича Орловского пала такая известность. Старая колхозница Дарья Ивановна, которую спрашивал я о покойном Орловском, сказала: «Все мы его помним, как вчера. Ведь в жизни каждого он...» Впрочем, историю колхоза, выросшего на бывшем пепелище, историю роста его людей и благосостояния знают в нашей стране. Знают, что связано это с именем Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Кирилла Прокофьевича Орловского.

Я сделал эти фотографии осенью прошлого года в колхозе имени Кирилла Орловского. (В этом названии добрая воля колхозников, которую высказали они после смерти своего председателя.) Я снимал людей. А можно было снять новые фермы, добротные дома, пашню, отвоеванную у болот. Но я снимал людей. Потому что все это сделали они. Вместе с Кириллом Орловским.

Л. ЛАЗАРЕВ

Из повести «Мятежное сердце»

В просторной комнате, кроме письменного стола, ряды стульев человек на сто. Здесь проходят рассветовские партийные собрания и семинары, здесь принимают гостей, и круглый год в шесть утра, а в страдную пору и раньше сюда собирается на наряд колхозное руководство. В этой комнате решаются все большие и малые вопросы. Вчера подал заявление — сегодня ответ. Решаются открыто, при самой широкой гласности и с соблюдением демократических норм.

— Сегодня двенадцать градусов, барометр стоит на «ясно». Каковы планы, посмотрим, — говорит председатель Орловский. — Первая бригада?..

Работы на день утверждены. Кирилл Прокофьевич склоняется над столом, читает заявление. Колхозница Елена Белявская пишет, что у нее несправедливо вычли восемьдесят шесть рублей за недосданные семена огурцов.

Прочитав заявление, Кирилл Прокофьевич снимает очки.

— Девять лет назад, — помедлив, говорит он, — примерно в это же время, умер Антон Моисеевич Белявский. Обыкновенный старик, ночной сторож. Мы считали его самым наипростейшим и наиобыкновеннейшим, пока жил. А когда умер,

В ЖИЗНИ

лей двадцать копеек меньше нормы, а Елизавета — на восемьдесят девять рублей больше нормы. Огурцы одинаковые, из одной машины.

— Вы поняли, товарищи, в чем дело? — объясняет Орловский. — Престарелым колхозникам мы даем посильную работу — они у нас надомники. Вот давали лущить семенные огурцы: семеноводство — очень прибыльное дело. Ну, и кое-кто, видать, хочет на этом нагреть руки. — Кирилл Прокофьевич повернулся к бригадиру огородной бригады Семену Корзуну: — Поделись опытом, как можно обворовывать колхозников?

— Ссыпал на глазок, никаких шкурных мыслей у меня не было, — задохнулся от волнения бригадир.

— Садись! — Орловский обратился к собравшимся: — Ясно, в чем дело, или нужно еще растолковать?

— Ясно!

— А если ясно, мое предложение такое... На бригадира Семена Корзуну за попытку нарушить порядок учета материальных средств, что является предпосылкой воровства, наложить штраф. Деньги с Елены Белявской не взыскивать.

Гул одобрения.

— А тебе, Елена, спасибо! Молодец, не посрамила мужа!

КАЖДОГО

Белявский Павел Яковлевич — пенсионер. Цед Архип Тимофеевич — кузнец. Тракторист колхоза Володя Цед. На пионерский сбор.

увидели, что душа у него была замечательная — замечательная душа патриота колхоза «Рассвет». Колхозно он любил всем сердцем. Человеком зваться легко, а быть человеком — это не просто. Антон Белявский был таким. Думаю, стоит поставить ему памятник.

В задних рядах послышалось всхлипывание.

— А у Антона Белявского осталась вдова Елена. Давайте разберемся, справедливая ли она женщина, либо она Антону была не пара, смотрит, как бы потянуть из колхоза что только можно. А ну, расскажи, Елена, какие твои обиды?

Старуха встала, смахнув слезу, заговорила:

— Привез мне осенью Семен желтяков и говорит: «Тут тонна». Тонна так тонна, я не верю. Все вылущила, высушила, как полагаются, и сдала. И вдруг при окончательном расчете — восемьдесят шесть рублей. Несправедливо это. Я работала и работаю добросовестно...

Слово просит колхозный бухгалтер Иван Фомич. Громко, помня о слабом слухе Орловского, дает точную справку:

— Елена Белявская и ее соседка Елизавета Цед получили по документам огурцов поровну, а сдали семян... Елена на восемьдесят шесть руб-

Аркадий КУЛЕШОВ,
народный поэт
Белоруссии

Ты не будешь мною позабыта,
Ты осталась в памяти моей,
Как последний сноп густого жита
В памяти заснеженных полей.
Даже если б тяжкою землею
Мне глаза навек закрыла мгла,
Если бы забыт я был тобою,
Ты бы мной забыта не была.

Как начиналось утоленье боли?
Живые нам не снажут ничего.
Да, время — врач. А госпиталь его —
Вся наша жизнь и всей земли раздолье.

Кто знает, где жестокий недород
Пошел передаваться полем полю?
Где начал, сам кляня такую долю,
Народы потрясать из рода в род
Покой, что вдруг взорваться может боем,
Бой, что приносит вечный упокой?
А боль ребенка роженицы болью
Затем ли рождена, чтоб стать землей?

Да, время — врач. Но боль — живая рана,
Дитя, чей плач — он слышится опять —
Ни вечной колыбельной океана,
Ни вечностью бурливой не унять.

Тьма уступила силе света,
а стужа — натиску тепла.
Зимы слежавшуюся ветошь
весна и смела и смела.

А лес еще гостей не просит
войти под своды старых крон:
здесь прочно задержалась осень,
деревьям снится зимний сон.

И могут ли они поверить
подснежнику, когда вокруг
мерцает уцелевший вереск —
предвестник сумерек и вьюг?

Недвижен бор, глухой, молчащий,
он будет спать все тем же сном,
покуда не прорвется в чащи
терпенье потерявший гром.

Переводы Якова Хелемского

Театр начинается с истины

Георгий ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

Когда я говорю об эстетическом воспитании, то имею в виду людей, которые специально не занимаются искусством. Но и они должны уметь его воспринимать, потому как искусство — тот способ духовного общения, без которого человек, как мне думается, существовать не может. Любой узкий специалист, если он способен к восприятию искусства, становится богаче, глубже, ему не грозит опасность того «сужения», той специализации, при которой человек дальше своей области ничего не знает, не ведает.

Думаю, Аристотель знал все, что было известно человечеству в его время. Он охватывал весь круг знаний своего века. Я вовсе не хочу говорить об универсализме, который был присущ прошлым временам. Сегодня же, если человек, скажем, специалист по орнитологии, то он, наверное, знает все о птицах, то есть все, что изучено избранной им наукой. А имеем ли мы право требовать от него при этом знакомства, например, с поэзией Уитмена?

Искусство движется, растет, и это движение предполагает взаимную

требовательность — и людей, принадлежащих искусству, и тех, кто воспринимает его. Смотришь иной раз какой-нибудь «Гранатовый браслет», сработанный по нехитрым шаблонам кинематографа, и думаешь: «Как же это плохо!» А вокруг тебя восхищаются, обливаются слезами. Или смотришь «Первого учителя». Тебе кажется: «Как хорошо сделал молодой режиссер, с каким вкусом, как строго, как аскетично, как правдиво!» И с ужасом констатируешь: «Люди-то из зала уходят...» Беда таких людей в том, что они не могут «собраться» для восприятия произведения, которое оказалось чуть труднее привычного.

Такой разрыв в восприятии мне кажется очень опасным. Сюда нужно направить наше внимание. Конечно, процесс этот длительный. Но важно, чтобы мы активно и сознательно дрались за будущее сегодня. Это одна из главных задач эстетического воспитания.

У себя в театре мы иногда ставим спектакли, заранее зная, что они найдут отклик далеко не у всех зрителей. Скажем, пьеса Веры Пановой «Ме-

телица», шедшая у нас несколько лет назад. Она не была рассчитана на массового зрителя, хотя произведение это, яркое по мысли, глубокое по человеческим характеристикам, — высокая литература. Возможно, театр потерял в кассе, поставив эту пьесу. Однако, если сознательно не вести театр в сторону не только увеличения числа зрителей, но и углубления их понимания, восприятия, то театр не будет выполнять своих функций. Искусство должно обогащать, улучшать и менять человека.

Прошел тот период, когда главным в оценке критикой любого произведения искусства было создание только образа идеального человека, как говорится, без сучка и задоринки. «Вот вам хороший человек. Копируйте его». Человеку трудно представить себя на его идеальном месте. Тем самым воольно или невольнo обрывается тот контакт, на котором зиждется искусство, которое позволяет воспринимать и осмысливать действительность.

Человеческая жизнь коротка. А искусство увеличивает, углубляет жизнь, позволяет человеку прожить много жизней. В этом смысле у искусства могучая роль. Но чтобы дать возможность прожить эти жизни, надо прежде всего правдиво воссоздать их. А это, оказывается, дьявольски трудно. «Жизнь человеческого духа» — тот самый радий, из-за которого тратятся тонны словесной, а в театре и всякой иной руды.

Меня всегда интересует дыхание зала в це-

лом. Иногда замороженная тишина мне важнее любого комплимента, сказанного после спектакля. В процессе репетиции режиссер в известной мере деспот. На нем лежит весь груз ответственности. Артист — часть целого, а видение целого — прерогатива режиссера. Эта сторона деятельности должна непременно иметь другую: умение создать атмосферу, при которой бы раскрепощался весь организм артиста. Если он раскрепощен, легко импровизирует, действует свободно, как дышит, стало быть, создана та атмосфера, тот воздух, при котором может создаваться искусство.

Я, режиссер, как бы вступаю в разговор с артистами. И если артист чувствует свое соавторство, свою свободу в этом «заговоре», тогда он участвует в создании художественного произведения. Но едва только в нем, актере, уничтожена инициатива создателя — вы уже как режиссер обеднили его. Вероятно, это должно происходить при любом творческом процессе: в области ли науки, искусства, техники — все равно.

Для меня подлинно способный человек в театре отличается тем, что он относится к искусству как средству самоутверждения; за тем, что он делает, всегда есть, пусть еще и не осознанная, цель создать на сцене жизнь во всех ее проявлениях. И если цель есть, и она помножена на одержимость (без которой я не мыслю себе артиста-художника), я верю в этого человека в искусстве.

Ю. Косыгин

Человек севера

Ю. ВИЗБОР,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото В. Мишина
и А. Лидова

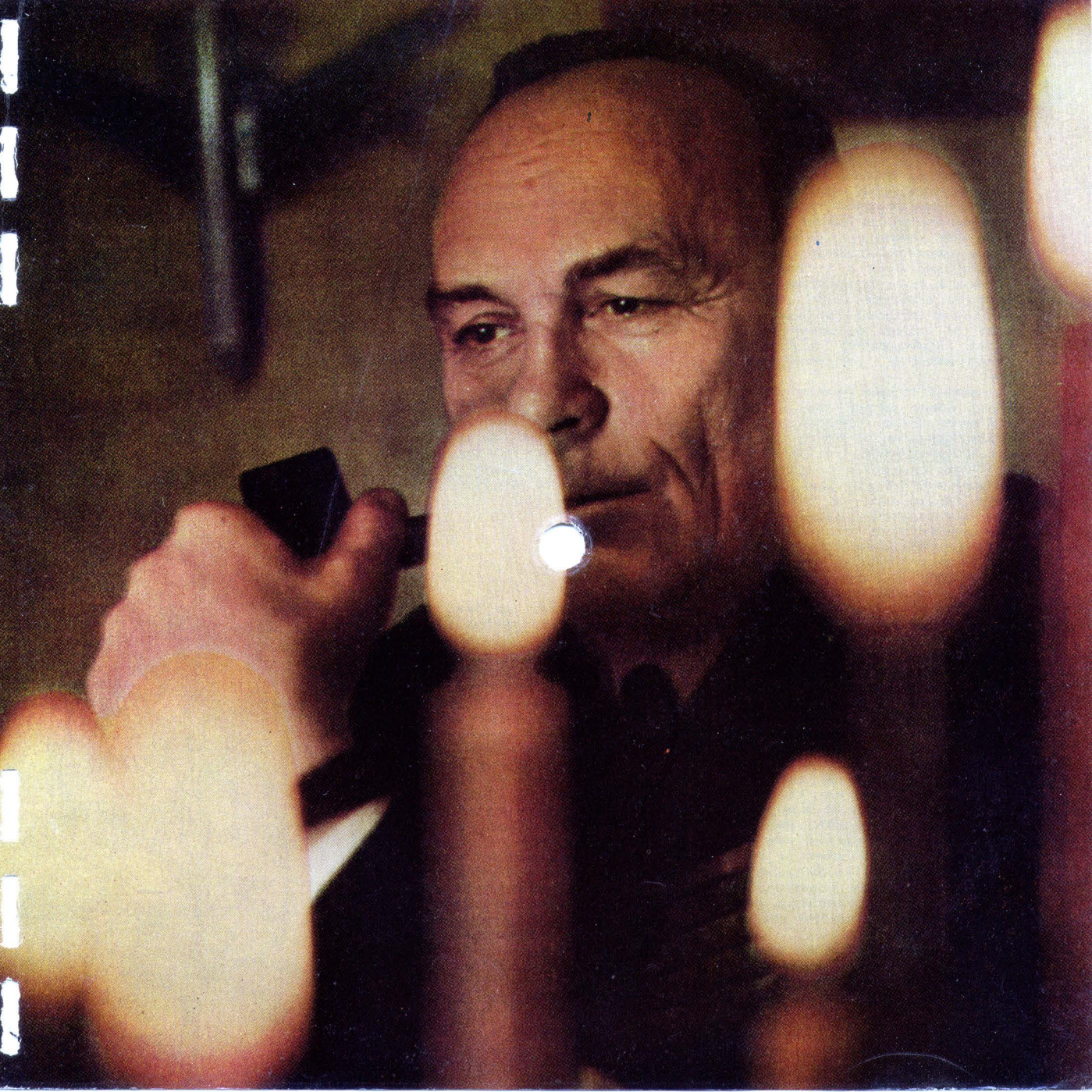
За плечами этого человека столько миллионов километров, что он и сам, очевидно, не в состоянии их сосчитать. Кто сегодня помнит самолет «P-5»? Разве что старые авиаторы. На одномоторном «P-5», который вел Водопьянов, этот человек в тридцать шестом году совершил первый полет в высокие широты Арктики. Задание номер один: выяснить, как работают навигационные приборы вблизи полюса. Уже у северной оконечности Новой Земли, у мыса Желания, магнитный компас отказал. Собственными силами был изготовлен простенький астрокомпас, работавший безотказно. Задание номер два: выяснить, возможно ли вообще посадка тяжелых самолетов на дрейфующий лед высоких широт. В Москве ждали ответа самолеты «Гигант-2» конструкции Туполева, которые в следующем году должны были высадить на Северном полюсе экспедицию Папанина. Небольшой «P-5» пробивал дорогу сквозь ледяную пургу и магнитные бури для своих крылатых братьев.

Этот человек всю жизнь связан с Арктикой, хотя и о военной его судьбе можно написать книгу.

В первые дни войны он охотился за подводными лодками, вторгшимися на север. Успешно бомбил главное логово фашизма. Его «летающая крепость» с эмблемой белого медведя наводила ужас в глубоких, казалось бы, недостижимых тылах противника. В августе сорок второго года был сбит, горел в воздухе; в меховом высотном комбинезоне с пистолетом в руке много недель пробирался сквозь леса к своим.

Знаменитый хирург Бурденко, однажды оперировавший летчика, выйдя из операционной, сказал: «Если будет жить — чудо». Он выжил.

Я столько слышал о нем, что был несказанно рад нашему знакомству, да еще в Арктике, да еще на борту знаменитого дизель-электрохода «Обь»! С удовольствием я приглашаю вас послушать шестую звуковую страницу об Арктике, о ее исследователях и драмах, послушать заслуженного штурмана СССР, флагманского штурмана полярной авиации Валентина Ивановича Аккуратова.

Седые орешки росы на пальчатой листве клевера — точно осела утренняя прохлада; если оглянуться назад, видны темные тесемки следов, спешащих за тобою; вдали, в круглой ложбинке, похожей на донышко ложки, застыли распороченные нити тумана — словно пар над горячей пищей. Тем легким дыханием полон и овражек, что лежит руслом молочной реки; свежесть охмеляет, от нее сладко во рту, в увлажненных глазах, в душе; и кажется, где-то в твоём естестве — так, как это бывало в детстве, — шелком шелестит и пахнет весенняя трава, сияет изумрудами, трогательно просвечивается напротив солнца.

Предрасветные поля в июне, в июле, после теплой или удушливой ночи будто зеленоватым мараемом покрыты, а маравето легкое и призрачное — то ли звездная пыль плавает в воздухе, то ли лунный пух не уляжется. И дорога в предрасветных полях — белая, лениво-неповоротливая — совсем еще пустыня, а по ней вкрадчиво прохаживаются сны. Что первый — то сон полыни, горьковато-тревожный и запыленный, что второй — то сон василька, синеватый, почти девичий, что третий — то сон цикория, легкий и душистый. Но не только эти сны прохаживаются по дороге, потому что не только эти цветы растут на обочине, еще вдоль нее дремлют чебрец, душица, чернобыль, шиповник, стоят без плеска рожь и пшеница. Как-то осознанно они стоят, с врожденным достоинством, которого не позаимствуешь и не собезьянишь. Глядя на них в эту пору, хотел бы увидеть, как из зеленой воды выплывает или русалка, или полевая царевна, или просто живой химерический дух этих просторов и этой воли, и очень жалеешь, что они не выплывут, и ты уже не в силах поверить, что они когда-нибудь выплывут, потому что языческим твоим детским годам не вернуться.

Вдруг останавливаюсь: все заметнее и ощутимее зеленоватый свод неба уподобляется храму, который растет и растет в высоту,

светлеет, набирает торжественности, и не безстрастной, а такой, что пробуждает холодон восхищения в тебе, а в зеницах зажигает искры, — ты даже ощущаешь, как засветился твой взор. Солнца еще нет, оно за горизонтом, но присутствует уже во всем: там, на востоке, совсем тепло и мягко переливаются скупые еще краски, словно разбавленные жиденьким свечением, которое хоть и не пышет, однако уже с веселой улыбкой празднует свое появление. Там, над горизонтом, замерли малиновые крылья облаков — в тех крыльях есть перья и лиловые, и розовые, и желтенький гусиный пушок. Одни лишь крылья замерли в полете, не шелохнулись, только неспешно меняют окраску, и лиловые перья светлеют, словно распушиваются, желтые выгорают, белеют, как одуванчики. И внезапно пучок стрел выпускает спрятанное солнце из своего колчана, и те стрелы, прон-

звив крылья, ранят их без боли, и они вспыхивают тихим пламенем.

...Ровный и твердый луг покрыт звездной, сбитой пылью — точно простертая ладонь, по которой идти да идти. Вот пасутся кони; иду, а левый глаз сам смотрит на них, и я невольно забираю все левее, пока не оказываюсь совсем рядом с ними. Чалый и карий, опустив головы, щиплют траву — так, будто своими влажными губами целуют, голубят этот луг; меня они притворно не замечают, но стоит только еще дважды шагнуть к ним, как чалый и карий поднимают головы, гривы их всплескивают и разливаются, — теперь кони настороженно всматриваются в меня, какое-то мгновение в их глазах видно только бездонное черноземное удивление, потом кони поворачиваются ко мне хвостами, опять пасутся, слышен только короткий, с при-

НА РАС- СВЕТЕ

Евген ПУЦАЛО

Перевод с украинского
Н. КОТЕНКО.

Рисунок Шапова

дыханием звук, когда они сры-
вают траву.

— Кось, кось, кось! — говорю и,
протанув руку, пробую прибли-
зиться к ним.

Чалый смотрит на меня, а карий
только косит своим блестящим,
напряженным глазом. И в том
глазу чувствуется такая глубина,
словно это комок земли, оформясь
и приобретя свойства живой ма-
тери, стремится понять меня и
мои намерения.

— Кось, кось, кось! — как мож-
но ласковее говорю я и делаю еще
один шаг.

Чалый кладет голову на шею
карему, губы у него изредка дро-
жат, ноздри раздуваются, а по
изогнутой шее внезапно проска-
кивает дрожь, словно под кожей
прлетают большие мухи. Уже и
карий не пасется, и вскоре они
дружно бросаются вперед, и один
из них ржет.

— Ну и глупы же вы оба! — го-
ворю им. — Я же ничего не сделаю
вам плохого, только поглажу. Ну?
Бойтесь, что сяду проехаться? Да
не бойтесь...

Притворяюсь, что мне до них
нет никакого дела; кони успокаи-
ваются и опять пасутся; тогда я,
улыбаясь возможно дружествен-
нее, еще раз пробую подойти к
ним. Кони меня подпускают, и ко-
гда я глажу изогнутую шею каре-
го, ощущаю, как она испуганно
дрожит.

Чалый пасется, но обращенный
ко мне его глаз вот-вот, кажется,
дернется от преувеличенного
внимания.

— Вот и хорошо, — говорю им, —
а вы всполошились. Не такой же
я олух, чтобы вас бить, чтобы
обижать.

Шерсть у карего сверху влажно-
вата — должно, целую ночь пасутся,
но если дольше поддерживать ла-
донь, то ощущаешь горячую ко-
жу: она излучает тепло. Я вбираю
это тепло, такое душистое, такое
сладкое, а моя рука ползет по гри-
ве, ползет, я уж протягиваю вто-
рую руку, чтобы перететься, чтобы
вскопить... но карий, уловив в мо-
ем движении что-то подозритель-
ное, прыгает в сторону, а за ним

и чалый, выгнув спину и резко за-
гребая передними ногами воздух,
тоже скачет, оба ржут и легкой
рысью удаляются от меня.

Сколько я потом ни хожу сле-
дом, они уже не подпускают ме-
ня. Еще недавно почти укрощен-
ные, сейчас они совсем дики и не-
приступны, особенно карий. Не
пасется, задрал голову и делает
вид, что смотрит перед собой, а на
самом деле сторожит каждое мое
движение.

— Я же только чуть-чуть про-
едусь, — говорю им. — Ну, с во-
робьиный скок, не больше.
Вот немножко погодите, не пугай-
тесь...

Оба слушают. Чалый прижал од-
но ухо — и в том, как он это сде-
лал, улавливаю разумную, почти
человеческую иронию. А карий,
как и раньше, все принюхивается
к увлажненному запаху луговой
мяты, а на самом деле — следит
за мной. Нет, лучше, видно, не
скрывать своих намерений.

И я широким шагом иду прямо
к ним.

— Ой вы, кони мои прыткие, —
говорю, — возьмите меня на кры-
лышки...

Оба смотрят на меня; протяги-
ваю руку — и они, дружно отпря-
нув, удаляются; бегут неторопли-
во, словно и не от меня бегут, и
на росной скатерти луга остаются
тесемки их темно-зеленых следов;
хочу позвать их, но голос застрял
в горле, и чувствую, как что-то
снимает его сильнее и сильнее.
Провожу ладонью по глазам, выти-
раю их, а кони неспешно бегут и
бегут, — уже там, где и лугу под-
плывают малахитовые воды ржа-
ного поля, уже и миновали; стою
до тех пор, пока они не останав-
ливаются совсем далеко, но не
пасутся, а, подняв головы, зами-
рают.

Между тем солнце взшло; не-
давние крылья облаков то ли уле-
тели куда-то, то ли растаяли. Луг

и поле вокруг изменились — туман
исскач, нигде не видно его волок-
нистого свечения, и только в же-
лобе оврага, с теневой стороны,
словно дрожит темная прохлада.
Наверное, по дороге сейчас уже
не прохаживаются осторожно и
вкрадчиво сны, а начинает пока-
чиваться пыльная завеса, полахи-
вая шершавым теплом, потому что
вытоптали те сны картавые коле-
са возов, потревожила их скоро-
говорка автомобилей.

Иду своей дорогой, а из головы
не выходят карий и чалый, не ис-
чезает такое свежее и такое не-
ожиданное ощущение внезапной
утраты — словно мог сейчас вот
познать внезапную радость... и не
познал. Луг весь засветился, вол-
ны трав на нем уже совсем лег-
кие, и ромашки вдоль стежек лег-
кие, точно на всем лежит одна не-
обозримая и счастливая улыбка.
Оборачиваюсь — кони уже чуть-
чуть виднеются, вытянули шею, не
пасутся... Ветерок жмет к гру-
ди, как ребенок, гладит мне лицо,
брови мои гладит, и в его касани-
ях мне мерещится сыновья ласка.
Вот уже видна речка, видна глыба
густой голубизны, затвердевшей в
камышях, видны сады и соломен-
ные стрехи меж деревьев, где-то
там ждет меня шоссе с синеваты-
ми лбами хорошо обкатанных ка-
ней, где-то по тому шоссе бежит
автобус с красными разводами по
бокам, бежит, чтобы забрать меня,
увести...

Сейчас, когда вспоминаю то у-
тро, отчетливо вижу колючие рос-
сыпи росы на клевере, мониста из
стеклянных шариков на лебедь,
кругами — как кольца Сатурна —
паутину на терновнике; и на лугу
не курится белый туман; и живет
то ощущение неожиданной утраты,
когда очень подмывало про-
ехаться верхом, а кони не дава-
лись, а кони взмахнули гривами и
побежали туда, где уже взшло
солнце; поныне преследует меня
то горькое ощущение; сдавливает
что-то горло, и я невольно улыба-
юсь, хотя мне совсем не весело...
даже ощущаю, как на моих бров-
ях покачивается ветерок, щекот-
ливо перебирает их и, запутав-
шись, не может улететь...

«Коррида — высшее проявление национального духа», — утверждают испанцы. Маяковский относился к ней с некоторым отвращением. Бодлер пропел корриде лирическую «оду». Мериме, Бласко Ибаньес, Хемингуэй писали о корриде очень разное.

Летом 1965 года в Москву на кинофестиваль приехал один из знаменитых тореро нашего времени Луис Мигель Домингин. К числу самых близких его друзей следует отнести Пикассо, Гойтисоло. Тесные отношения связывали Домингина с Хемингуэем, который сказал: «С Мигелем всегда интересно, иметь его своим гостем — удовольствие. Он похож на Дон-Кихота пополам с Гамлетом». Тут вряд ли что добавишь.

Домингин говорил о корриде: «Тореро — это профессия. Люди, которые занимаются корридой, должны быть немного одержимыми или сумасшедшими... Судите сами, ведь мы каждый день созна-

но как люди, как артисты. От них красота корриды зависит так же, как и от меня. С каждым быком приходится работать по-разному и на разных дистанциях. Публика не прощает обмана.

На «Пласа де Торрес» приходят сотни тысяч зрителей. Все разбираются в бое быков до тонкостей. Каждый ценит в корриде нечто свое, личное и считает, что другие в ней ничего не понимают. Но когда мне удается что-то особенно хорошо, все зрители в едином порыве вскакивают и, как труба архангела, кричат «оле!». Вот для меня кульминация корриды! А вообще я часто ссорюсь с публикой. Не могут понять друг друга люди,

ДВА ЦВЕТА КОРРИДЫ

А. АГАМИРОВ

тельно рискуем жизнью и, конечно, превращаем этот, как я говорю, «больше, чем спорт» в некую одержимость.

Быки бывают умные и глупые, хитрые и простые, коварные и безрассудно смелые, и я, стоя за барьером, должен все это определить и, пока матадоры и бандериллеры — мои помощники — работают с быком, тут же наметить план боя. Дело ведь не в том, что бык наносит удар рогами, дело в том, как он это делает. Видеть это по-настоящему может только тореро, высоко профессиональный и все понимающий. Быки совершен-

ногда один сидит на трибуне, а другой рискует для его удовольствия жизнью».

В этом весь Домингин, настоящий испанец. И все-таки он прав только наполовину. Есть другая сторона корриды. Вы познакомьтесь с ней на пластинке, где услышите голос Мануэля Бенитеса «Эль Кордобеса», который после ухода Домингина с арены сейчас лучший тореро.

Часы риска, менование триумфа — испанский тореро Мануэль Бенитес «Эль Кордобес».

С юным человеком надо разговаривать забавно, утверждал М. Горький. Это не значит легковесно, легкомысленно. Нет, это значит — интересно, увлекательно, а стало быть, и серьезно, потому что одной лишь яркой формой юного читателя и зрителя не увлечешь.

Все это есть в повести А. Алексина «Мой брат играет на кларнете». Действительно, юмор, занимательный сюжет помогли писателю завести с юными читателями беседу о вещах очень значительных: об истинно творческом отношении к искусству и к жизни, о том, что иждивенческое стремление просуществовать за счет чужого дарования, чужого вдохновения и труда может привести лишь к плачевному результату. В этом с горечью убеждается главная героиня повести, семиклассница Женька, наивно полагавшая, что ей удастся всю жизнь сиять отраженным светом творческих побед брата-кларнетиста.

Эти проблемы показались ТЮЗу очень важными, и театр решил продолжить серьезный разговор на сцене. Я сказала — «серьезный», а в спектакле не умолкают музыка, песни, и стремительный современный танец не покидает сцену в течение почти всего представления. Одно не противоречит другому! Об этом уже говорилось вначале...

Главный режиссер театра Павел Хомский решил спектакль, как лирическую музыкальную комедию, в которой песня, танец, острокомедийное оформление выступили, как союзники, и об-

Мой
брат
играет
на
Кларнете

Г. АРИЕВИЧ

Фото А. Лидова

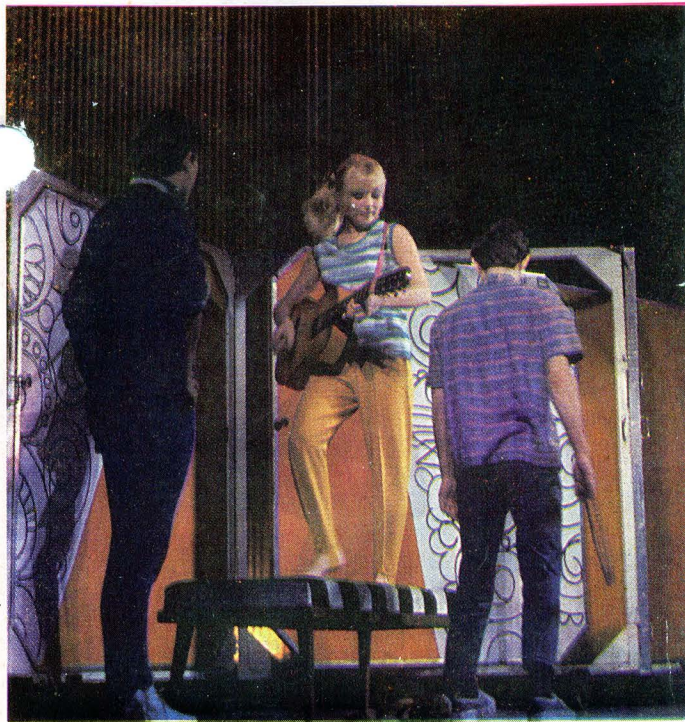
разовали крепкий художественный сплав. В этом ему помогли композитор О. Фельцман, поэт Р. Рождественский, балетмейстер Л. Таланкина.

Спектакль понравился зрителям — старшеклассникам. И это очень обрадовало весь коллектив. Известно, с каким предубеждением относятся старшеклассники к фильмам и пьесам, на которые дети до шестнадцати лет... допускаются, к книгам, на которых обозначено, для какого они

возраста (стало быть, для детей!). Даже само название театра — Театр юного зрителя — вызывает настороженное отношение у зрителей, отчаянно стремящихся к взрослости. И вдруг, не смотря на солидную сдержанность этого возраста, такие вот отзывы: «Спасибо за отличный, веселый спектакль! Он отвечает на те вопросы, которые волнуют нас, молодежь»; «Мой брат играет на кларнете» — подлинно современное представление. Оно современно по теме и рит-

му, игре актеров и глубине режиссерской разработки».

А вот отзыв десятиклассника, подтверждающий, что цель, к которой стремились весь наш коллектив, видимо, достигнута: «Спасибо театру за жизнерадостный спектакль... В нем удивительно сочетается смешное со значительным и важным. За весельем и иронией — серьезные жизненные выводы, к которым приходят к концу спектакля герои пьесы. И мы, зрители, тоже!»

КОНКУРС «КРУГОЗОРА»

Редакционная коллегия журнала «Кругозор» отменила премиями лучшие материалы, опубликованные в 1968 году.

Шагиня М. С., писательница. Очерк «Две муз» (№ 3).

Шайнский В. Я., композитор. Цикл песен «Город с разноцветными глазами» (№ 5).

Яншин М. М., народный артист СССР. Устные рассказы «Лишний смех» и звуковой монолог «Раздумья о грустном» (№ 3).

Змин Г. Г., поэт. Звуковой публицистический репортаж «Ереван. Год 2751-й» (№ 8).

Гердт З. Е., заслуженный артист РСФСР, автор и ведущий «Кабачок 33½ оборота» (№№ 6, 11, 12).

Шергова Г. М., журналистка. Серия публицистических материалов (№№ 1, 2, 3, 8).

С. Зинин, журналист. Звуковая страница к очерку «Слушай, парень» и серия репортажей из Вьетнама (№№ 5, 6).

Лазарев Л. Н., фотокорреспондент. Фото к «Слушай, парень» (№ 1).

кругозор

1 (58) 1969

слушайте
в
номере

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой
странице обложки:
солнцетые «Белоруссия».
Рисунок художника
Б. Заборова

Режиссер
Н. Субботин
Художник
В. Шапов
Технический
редактор
Петрова

ИОННАЯ
ЛЕГИЯ

...редакции:
Москва, ... 25.
Телефоны редакции:
233-73-9, 233-74-59.
В 03342. Подп. к печ.
18/XII 1968 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 320 000 экз.
Зак. 3443. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. «Чтоб землю всю обнять...» Аркадий Кулешов. Пластинка поэта.
2. Детектив — 6.30. «Его настоящая фамилия...».
3. Песенные узоры Белоруссии. «Лучина». Исполняет академическая хоровая капелла п/у Г. Ширмы; «Веники», «Гыля, гыля» — поет хор радио и телевидения Белоруссии п/у В. Ровдо.
4. Дирижирует Сергей Кусевичий. Фрагмент из Пятой симфонии П. И. Чайковского в исполнении Бостонского симфонического оркестра.
5. Георгий Товстоногов и его театр.
6. Арктические были. Монолог главного штурмана.
7. Наши премьеры: песню К. Акимова и К. Филипповой «Да, то есть нет» представляет М. Кристаллинская; «Древние слова» Л. Гарина и Н. Олева исполняет Л. Мондрус, песню «Ревнивый Кавказ» поет автор М. Магомаев.
8. «Мой брат играет на кларнете». Песни О. Фельцмана на слова Р. Рождественского. Ведет пластинку А. Алексин.
- 9—10. «Кабачок 33½ оборота». Сегодня в гостях Тамара Раевская, Галина Шибалева, Софи Лорен, Фернандель, Аструд Жильберто и кубинский квинтет «Сапфиры».
11. Фонофильм об испанской корриде.
12. Поет Алис Бабс. «Три пряника» Б. Хальберга, «Шведская серенада», «Ла де дуди ду» Дюка Эллингтона. На звуковой странице — Алис Бабс, ее дочь Тити и Дюк Эллингтон.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания и звукозаписи

*Слушайте
девятую
и десятую
звуковые
страницы*

Коль скоро художник изобразил меня в поварском колпаке, что меня, впрочем, ничуть не обижает, я попытаюсь найти этой вольности хоть какие-нибудь оправдания. Вероятнее всего, он хотел представить хозяина «Кабачка» мастером составлять привлекательное меню? Что ж, не стану скромничать. Что умею, то умею.

А знаете, в чем секрет мастерства? А в том, что каждый раз, готовясь открыть «Кабачок», я уговариваю себя, что сегодня у меня будут самые компетентные, требовательные, даже придирчивые посетители и, следовательно, сегодня и угощение должно быть самого высокого вкуса. Ну, я не знаю... скажем... э-э... например, поющий... этот... ну... Или нет! Лучше даже поющий Фернадель! Это очень пикантно. Неизменным успехом у истинных ценителей пользуется совсем незнакомое, новое, но, безусловно, интересное. Скажем, кубинский квинтет «Сапфиры» или молодая бразильская певица Аструд Жилберто. А пение Софи Лорен!

Одним словом, поставьте на проигрыватель девятую и десятую страницы со скоростью 33 с половиной оборота. Кстати, так вы сразу узнаете еще один мой секрет. Я его бережно вез из самого Минска и доставил в наилучшем виде...

С неизменным уважением Зиновий Гердт.

**АЛИС
БАБС**

Швеция

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Алис Бабс — это Алис Бабс, хотя когда-то она и была Нильссон.

Алис Нильссон, дочь пианиста, игравшего в кинотеатре города Кальмара, любила петь. Уже в три года она напевала песенки, аккомпанируя себе на пианино. Когда ей было десять, выступала в концертах. В тринадцать ее пригласили в Стокгольм, в профессиональное ревю. Правда, петь ей тогда не пришлось. По шведским законам, стать профессионалом и получать деньги за выступления можно только с пятнадцати лет. (А деньги были нужны; отец стал безработным; эпоха немого кино кончилась, а звуковое обходилось без таперов.)

Когда ей исполнилось пятнадцать лет, ее пригласили петь с профессиональным оркестром. Все было хорошо, если бы не гимназия, в которой она училась. Директор разрешил ей выступать только по субботам и только под чужим именем. В это время Алис Нильссон уже записывала свои песни на пластинки. Хозяин студии, услышав о требовании гимназии, решил дело быстро. «Новое имя? Пожалуйста, Бабс!»

В ее голосе было (да и осталось) что-то солнечное и озорное, улыбка про себя. Ее потом так и назовут: «Девушка с улыбающимся голосом». И за это полюбят.

В шестнадцать лет Алис пригласили сниматься в фильме, и звуковое кино, погубившее карьеру отца, сделало знаменитой дочь. Она снялась в пятнадцати фильмах. Алис не подражала, как многие тогда, Дине Дурбин: оставалась сама собой, и это предопределило успех. Потом увлеклась джазом и здесь тоже создала собственный стиль. Молодой певицей заинтересовался известный музыкант Дюк Эллингтон и предложил ей записать вместе с ним несколько концертов. Вот что он сказал: «В этом голосе есть и радость жизни, и ритмы, и трагедийность, есть все то, что для меня составляет сокровенный смысл джаза».

Классика, джаз, народные и детские песни, свои собственные песни (она написала их более двадцати) составляют репертуар Алис Бабс. На вопрос, что она любит петь больше всего, она ответила: «Все люблю. Люблю петь для всех». Она и поет для всех. Три золотых пластинки в доме Алис Бабс — это не только три миллиона записей. Это и признание.

Ю. ПОСПЕЛОВ